

Дементьев Н.Е., Коновалов К.Ю.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КРЫМСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 1920-е ГОДЫ

Обозначенная нами проблема в масштабах Украины стала изучаться лишь недавно. В 1998 году ей была посвящена кандидатская диссертация О.А. Святей «Соціально-економічна типологія селянських господарств України у роки НЕПУ», защищенная в днепропетровском госуниверситете. Но в ней полностью отсутствуют материалы по Крымской АССР, имевшей целый ряд важных особенностей. И это вполне закономерно: Крым в годы НЭПА входил в состав Российской Федерации, а не Украины. В работах крымских историков поставленная нами проблема предметом специального изучения не являлась. Именно этим обстоятельством объясняется актуальность и новизна данной публикации, рассчитанной на изучающих историю Крыма.

Как известно, проводившаяся в 1918-1920 годах политика военного коммунизма по решению большевистской партии была заменена новой экономической политикой. Однако цель правящей в стране партии оставалась прежней – построение коммунизма, что находило свое выражение в названии партии – Российская Коммунистическая партия большевиков – Всесоюзная Коммунистическая партия большевиков. НЭП был вынужденной политикой, принятой в обстановке массовых крестьянских выступлений против Советской власти. Ленин считал ее лишь «временным отступлением». Неслучайно поэтому уже в ходе осуществления НЭПа в 1923 году ЦК РКП(б) требовал от всех местных партийных организаций «парализовать процесс роста сельской буржуазии посредством расторжения кабальных сделок, посевных кампаний, продналога и т.д.»ⁱ

Проще говоря, речь шла о противопоставлении интересов сельской бедноты интересам сравнительно зажиточных слоев крестьянского населения. Беднякам и батракам нечего было терять в большевистской революции, на них и опиралась Советская власть при проведении своей аграрной политики в деревне. Сравнительно зажиточные хозяйства относились к сельской буржуазии и именовались «кулаками». Большевики не скрывали своей заинтересованности в развитии классовой борьбы в деревне. Об этом свидетельствуют многочисленные высказывания В.И. Ленина и принятая по его предложению аграрная часть Программы РСДРП еще в 1903 году. В ней откровенно признавалось, что цель принятия аграрной части программы состоит в «свободном развитии классовой борьбы в деревне».ⁱⁱ

В дооктябрьский период эта классовая борьба была призвана облегчить приход большевиков к власти в России. Но и после этого классовая борьба продолжала оставаться самоцелью большевистской партии. Секретарь Крымского обкома РКБ(б) Носов в 1924 году докладывал Центральному комитету: «Нам приходилось применять жестокие меры для того, чтобы провести расслоение крымского крестьянства». На IX областной партийной конференции он ставил в заслугу коммунистам то, что «расслоение крестьянства идет довольно быстро. Ввиду разнохарактерности сельского хозяйства между крестьянами имеются мощные трения ... Идет борьба за власть в деревне»ⁱⁱⁱ

На всем протяжении рассматриваемого нами периода органы власти и управления Крыма проявляли к процессу социального расслоения крестьянства большое внимание и придавали ему особо важное значение, ибо от этого процесса в значительной мере зависела судьба Советской власти. Органы ЦСУ Крыма постоянно анализировали социальную обстановку в сельской местности республики, направляли в ОК РКБ(б) – ВКБ(б) огромное количество разных материалов по данному вопросу. В первой половине 20-х годов, когда власти добивались главным образом расширения посевных площадей республики, дифференциация крестьянства прослеживалась именно по этому показателю. По состоянию на 1 июля 1924 года крестьянские хозяйства Крыма по посевности распределялись следующим образом:^{iv}

Величина площади посевов в десятинах на одно хозяйство											
Кол-тво Хозяйств	Без Посева	До 1 дес.	1,1 - 2,0 дес.	2,1 - 3,0 дес.	3,1 - 4,0 дес.	4,1 - 6,0 дес.	6,1 - 8,0 дес.	8,1 - 10,0 дес.	10,1 - 16 дес.	Свыше 16 де.	Итого:
В %	14640	12122	6650	5110	4380	5980	4286	2967	5739	5096	66970
	21,86	18,1	9,93	7,63	6,54	8,93	6,4	4,43	8,57	7,61	100

Из приведенных данных видно, что беспосевные и малопосевные (до двух десятин) крестьянские хозяйства составляли половину всех сельских дворов. Их представители входили в состав сельских советов, советов земельных общин, крестьянских комитетов взаимопомощи, групп крестьянской бедноты, руководимых комячейками РКП(б). Вместе взятые они составили силу, призванную сокрушить «кулацкие» элементы деревни. На X областной партийной конференции Крыма в докладе «О работе в деревне» приводились такие данные: «Сельское население Крыма составляет 300,757 человек, из них 25% бедняков, 64% середняков, 11% зажиточных. Но немецкие бедняки, в смысле хозяйственного развития, равны зажиточному татарскому крестьянству»^v От себя к сказанному добавим: приведенные данные не всегда соответствовали результатам обследований крестьянских хозяйств, критерии определения бедняков, середняков и зажиточных не были научно обоснованными, часто изменялись по прихоти властных структур, центральных и местных. До 1925 года «кулацкие элементы» определялись по количеству посевов, рабочего и продуктивного скота, качеству построек и инвентаря. В дальнейшем положение изменилось. Секретарь Крымского ОК РКП(б) в конце этого года на XI областной партийной конференции говорил: «Кулацкие элементы мы приблизительно определяем по найму батраков. В Крыму мы имеем нанимающих хозяйств 6506. 5176 хозяйств нанимают по одному человеку, 936 - по два, 268 – по четыре-пять, 128 – свыше пяти человек. На один месяц нанимают 736 хозяйств, на три месяца – 1951, на шесть месяцев – 2883, на 9 месяцев – 530, на год – 506».^{vi} Итак, «кулаков» определяли приблизительно. К ним причислялись все крестьянские дворы независимо от того, сколько и на какое время они нанимали работников и какие причины понуждали их к этому. И далее С.Д. Петропавловский продолжал: « В 1923 году мы имели беспосевных хозяйств 25,27 %, в 1925 году - 26,04%»^{vii} Казалось бы, при сравнении этих показателей радоваться

было нечему, впору было огорчаться. Но партийный руководитель Крымской АССР заявил: «Мы имеем в деревне, несомненно, два процесса: с одной стороны, имели известное усиление капиталистические элементы. Но с другой стороны, еще большее усиление и развертывание социалистических элементов. В Крыму ныне около 10 тыс. батраков, из них 68% крестьяне, 30% – рабочие, 2% - служащие. 70% не имеют никакого хозяйства, то - есть настоящие пролетарии. И только 30% имеют небольшой посев. В чем заключается рост социалистических элементов в деревне? В основном он идет по четырем линиям: 1) кооперация, 2) коллективизация, 3) комитеты крестьянской взаимопомощи, 4) организация батрачества».^{viii}

До конца 1924 года посевные площади не расширились. Такая же ситуация складывалась по всей стране. В советской литературе это объяснялось отсутствием у бедноты тягловой силы, инвентаря, семян и тому подобными обстоятельствами. Но суть дела заключалась в другом, будучи опорой Советской власти в деревне, получая от нее 25% от общей суммы взимаемого продналога, беднота не была заинтересована в расширении запасов. Ей и без того жилось сравнительно лучше, чем среднепосевным крестьянским хозяйствам. Об этом свидетельствуют обследование состояния питания различных слоев крестьянства Крыма.^{ix} Имеются все основания полагать, что подобная тенденция имела место и в других регионах СССР, так как аграрно-крестьянская политика выработывалась не на местах, а в центре страны – в Москве.

К весне 1925 года власть осознала наличие этой тенденции и накануне весеннего сева внесла в российский кодекс о земле ряд существенных изменений. Главное заключалось в существенном расширении возможностей по использованию наемного труда и арендных отношений в сельском хозяйстве СССР. Нововведения сразу же коснулись и Крыма. Анализируя первые их последствия, Крымский обком партии сообщил ЦК ВКП(б): «В отношении классового расслоения деревни: усиление его произошло, но в сторону изолирования бедняка. Экономическая зависимость бедняка от зажиточного крестьянина создала такое положение, что бедняк в основном имеет взгляд на зажиточного крестьянина как на благодетеля, теряет свою политическую активность».^x

Это - принципиально важное признание крымской власти. Оказалось, что не все бедняки слепо следовали указаниям Советской власти. Многие из них сознавали гибельность аграрных преобразований большевиков. Они понимали, к чему может привести верховенство политических догм над экономикой. И тогда власть решила покарать недовольных. В конце 1925 – начале 1926 года были проведены массовые аресты и заключение в специально подготовленные лагеря крестьян, неодобрительно отзывавшихся о преобразованиях Советской власти в деревне. Эта мера должна была запугать крестьянство Крыма. Газета «Красный Крым» 21 марта 1926 года сообщила о резком сокращении «кулацкого элемента» в деревне: «По данным районных комиссий зажиточные хозяйства в среднем составляют 1,6%»^{xi}

Крымские крестьяне по своему отреагировали на эти действия Советов. В ряде мест полуострова произошли крестьянские волнения, вынудившие властные структуры Крыма с согласия российского центра под предлогом празднования 5-й годовщины образования Крымской АССР провести амнистию всех лиц, «которые являлись наемными рабочими и трудовыми крестьянами, не эксплуатировавшими чужого труда».^{xii} В этом акте усматривается продолжение большевистской линии политической опоры на бедноту.

Но и после этого Совет по работе в деревне при Крымском обкоме партии констатирует: «Значительная часть середняцких элементов деревни продолжает идти за кулаками»^{xiii} В конце 1926 года Крымский обком ВКП(б) информировал центральный комитет: «...Средний слой арендует примерно 25% арендной площади, а остальные 60-70% - зажиточный слой. Наиболее мощная верхушка имеет у себя больше всего арендованной земли: ее удельный вес в группе хозяйств равен 13%, арендует же она 29,7% всей площади... В аренду сдают больше всего бедняки – беспосевные и малопосевные. Сдача земли в аренду энергично расцет».^{xiv} Это сообщение не вызывает никаких сомнений в том, что новые возможности применения наемного труда и аренды в сельском хозяйстве республики способствовали зарождению новой, советской сельской буржуазии, нового, советского кулака. Так было в масштабах всего Советского Союза, ибо положения Земельного кодекса РСФСР повторялись во всех союзных республиках. Так появился новый, «советский кулак», в рамках советского земельного законодательства. Этот процесс происходил в основном в 1925-1927 годах. Но крымская власть, по примеру общероссийской, торжествует: «Все эти факты свидетельствуют о том, что несмотря: 1) на незначительный рост в 1926 году беспосевных хозяйств (с 4,2% до 4,7% в степном районе, с 8,8% до 13,2% в предгорном); 2) на рост зажиточной верхушки (с 11,9% до 14,2%), принимающий довольно энергичный характер, *рост деревни идет по социалистическому пути*».^{xv} Это заявление означало, что большевики продолжали оставаться апологетами «развития классовой борьбы в деревне». Они считали ее средством укрепления Советской власти. Поэтому в гораздо меньшей степени их интересовали экономические проблемы села.

Итак, с расширением возможностей применения наемного труда и арендных отношений в сельском хозяйстве страны социальная дифференциация деревни Крымской АССР обозначилась еще резче. Это отчетливо видно из приводимых ниже данных по посевности крестьянских хозяйств и обеспеченности их рабочим скотом:^{xvi}

Годы	Число хозяйств без посевов в %	Имеющих до 1 десятины в %	Имеющих 1-4 десятины в %	Имеющих 4-16 десятины в %	Имеющих свыше 16 десятины в %
1921	23,7	18,2	19,0	27,0	11,9
1922	28,8	29,2	26,3	15,0	0,5
1923	25,2	18,1	24,5	26,4	5,5
1924	21,8	18,1	24,1	28,3	7,6
1925	26,0	12,1	22,8	31,1	7,7
1926	18,9	16,0	19,3	33,9	11,7
1927	18,6	12,4	16,7	37,1	14,2

Годы	Число хозяйств без раб.скота в %	Число хозяйств с 1 гол. скота в %	Число хозяйств с 2-3 гол. скота в %	Число хозяйств с 4 и более гол. скота в %
1921	29,6	14,0	32,7	23,55
1922	60,1	-	-	-
1923	60,5	15,39	19,6	4,4
1924	56,2	18,0	21,0	4,7
1925	51,3	20,6	23,5	4,5
1926	46,6	20,2	26,2	7,0
1927	39,6	21,1	29,3	9,8

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в 1925-1927 годах происходит существенное уменьшение количества беспосевных хозяйств (с 26% до 18,6%) и не имевших рабочего скота (с 51,3 до 39,6%). В то же время отмечалось увеличение самой многопосевной группы хозяйств (с 7,7% до 14,2%), с максимальным количеством рабочего скота (с 4,5% до 9,8%).

Крымское руководство внимательно отслеживало все эти процессы на общероссийском фоне и потому в Крымском ОК ВКП(б), КрымЦИК и КрымСНК постоянно обсуждались социальные показатели деревни республики в сравнении с общероссийскими. Приведем наиболее важные из них.^{xvii}

Сравнительная таблица о беспосевных крестьянских хозяйствах по 35 губерниям России и в Крымской АССР за 1922-1925 г.г.

Годы	По России в %	По Крыму в %
1922	6,9	28,8
1923	5,3	25,2
1924	4,8	21,8
1925	4,2	20,0

Группировки крестьянских хозяйств, имеющих:

Годы	Свыше 10 десятин (по 35 губерниям РСФСР) в %	Свыше 16 десятин (по Крымской АССР) в %
1922	1,2	0,5
1923	2,2	5,5
1924	2,9	7,6
1925	3,3	7,7

Группировка крестьянских хозяйств по наличию у них рабочего скота.

Годы	Без лошадей (в 35 губерниях РСФСР) в %	Без лошадей (в Крыму) в %
1922	17,0	61,2
1923	17,0	60,5
1924	17,0	55,2
1925	15,0	51,3
1926	15,0	51,3

Как видим, социальное расслоение в Крымской деревне в сравнении с Россией в целом протекало более интенсивно, что объяснялось рядом причин. Во-первых, политика классовой дифференциации в Крыму начала проводиться в жизнь позднее, чем в России и потому власти республики стремились наверстать упущенное. Во-вторых, властные структуры Крымской АССР с 1924 – 1927 года сумели добиться ряда преимуществ для крымских крестьян, прежде всего крымскотатарской национальности (в условиях проведения политики татализации). В третьих, после суда над бывшим председателем КрымЦИК Вели Ибраимовым и его сторонниками, в ходе ликвидации последствий так называвшейся «велиибраимовщины» открывались благоприятнейшие перспективы для дальнейшего развития классовой борьбы в крымской деревне. Все эти обстоятельства послужили основанием к тому, что Крым в 1928 – 1929 годах стал полигоном опробования сплошной коллективизации. В конце 1929 года крестьянство Крыма было в основном коллективизировано, крымский опыт был использован в дальнейшем по всей стране. К этому времени Крымская АССР по степени обобществления крестьянских хозяйств выдвинулась на первое место среди других регионов не только России, но и других союзных республик.

Анализируя происходившие социальные процессы в деревне, власть не могла не проявлять беспокойства: она осознавала, что богатый крестьянин стремился быть независимым от нее. Власть же лишала крестьянина свободы действий на предоставленной ему в пользование земле. И потому с начала 1928 года она открыто порывает со своими прежними обещаниями в отношении наемного труда и земельной аренды, переходит в наступление против зажиточных крестьян. А в Крыму по решению центральных властных органов страны была провозглашена новая земельная реформа. В ходе нее социальное расслоение продолжает оставаться самоцелью власти. Первостепенное значение придается классовому размежеванию сил среди национальных меньшинств республики.

Летом 1929 года в Симферополе состоялось 1 всекрымское совещание представителей национальных меньшинств. В принятой им резолюции говорилось: «Классовое размежевание сил (расслоение) в ряде национальных деревень находится на более низком уровне, чем в русской деревне (немцы), переплетаясь часто с остатками родовых связей (болгары), значительное преобладание мелкобуржуазных слоев города среди еврейских переселенцев требуют специально приспособленной к особенностям отдельных национальностей работы».^{xviii} Но в это время наемный труд и арендные отношения не играют уже прежней роли в социальной дифференциации крестьянства. Ставка делается на административные рычаги воздействия на этот процесс, принимавший все более политический характер. Это подтверждали данные о направленности работы сельских советов республики. В частности, «Узеньский и Куру-Узеньский сельсоветы из 300 вопросов, рассмотренных в 1928-1929 годах на 130

заседаниях, ни разу не обсуждали вопросов о поднятии сельского хозяйства».^{xix} По мере того, как не только середняки, но и бедняки отказывались вступать в создаваемые колхозы, власть наказывала и их. В справке Крымского ОК ВКП(б) за 1929 год отмечалось: «Лишение избирательных прав коснулось и бедняков... У ряда сельсоветов обнаруживается сознательное стремление считать бедняка середняком или зажиточным, а середняка – кулаком».^{xx} К последним у власти было соответствующее отношение, несколько позднее официально вылившееся в политику ликвидации кулачества как класса. Понятия «зажиточный» и «кулак» в это время были совмещены.

Все изложенное выше позволяет прийти к следующим выводам:

1. Политика социальной дифференциации российского крестьянства была взята на вооружение большевистской партией задолго до Октября 1917 года и активно проводилась ею в жизнь на всем протяжении 1920-х годов.

2. В ходе осуществления НЭПа, несмотря на ограничения его возможностей со стороны «пролетарского государства», реальная жизнь со своими потребностями пробивалась сквозь большевистские запреты. Расширение возможностей по использованию наемного труда и земельной аренды в сельском хозяйстве способствовали тому, что 1925-1927 годы стали самыми результативными для сельскохозяйственного производства Крыма.

3. Опасаясь потери власти, заботясь прежде всего об ее укреплении, а не развитии экономики страны, властные структуры СССР, в том числе и Крыма, способствовали дальнейшему «развитию классовой борьбы в деревне», противопоставляя бедняцкие ее слои сравнительно зажиточным, обрекая последних на исчезновение.

ⁱ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории /РЦХИДНИ/, ф. 17, оп.4, д. 456, л. 127

ⁱⁱ КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК... Изд. 8. Т. 1. С. 65

ⁱⁱⁱ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 4, д. 128, л. 17

^{iv} Государственный архив Автономной Республики Крым \ГААРК/, ф. Р-30, оп. 1, д. 18, л. 29

^v ГААРК, ф. 1, оп. 1, д. 314, л. 120

^{vi} ГААРК, ф. 1, оп. 1, д. 368, л. 35

^{vii} Там же.

^{viii} Там же.

^{ix} Государственный архив Российской Федерации \ГАРФ/, ф. 2313, оп. 4, д. 256, л. 89

^x ГААРК, ф. 1, оп. 1, д. 403, л. 3

^{xi} Красный Крым, 1926, 21 марта

^{xii} Собрание указаний и распоряжений крымского правительства, 1926, №14. С. 237-238

^{xiii} ГААРК, ф. 1, оп. 1, д. 574, л. 5

^{xiv} ГААРК, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 36-37

^{xv} Там же, л.43

^{xvi} ГААРК, ф. 1, оп. 1, д. 599, л. 27

^{xvii} ГААРК, ф. 1, оп. 1, д. 591, л. 17

^{xviii} ГААРК, ф. 1, оп. 1, д. 912, л. 53

^{xix} ГААРК, ф. 1, оп. 1, д. 927, л. 69

^{xx} РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 4, д. 129, л. 56